

Институт стратегических оценок и анализа
Бюро социально-экономической информации

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

№ 2(48)

МОСКВА • 2012

ЕН, председатель президиума проблем глобализации
рессор
тель президиума Совета
заместитель директора
декан факультета мировой
ник председателя Совета
оф. кафедры социальной фи-
МГУ им. М. В. Ломоносова
ель Комитета Госдумы РФ
р и ведущий программы

им России и стран СНГ
тике (Германия)
ГУВШЭ, автор и ведущий
диостанции «Эхо Москвы»
ь Комитета Государствен-
ям с соотечественниками,
амблеи Совета Европы
«Центр политических ис-

авный научный сотрудник
омических и политических

лиз
ней редакции

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЧКА РЕДАКТОРА

Вагиф Гусейнов. За работу, товарищи! 5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Борис Чернышев. Адекватность управленческих решений в России: 10

опыт критического анализа 10

Сергей Исприлов. О природе возникновения 18

«революционных ситуаций» 18

Зарубежный опыт

Валентина Федотова. Три моральных и практических урока 25

модернизации 25

ГЕОПОЛИТИКА

Тиберио Грициани (Италия). БРИКС: основа мультиполлярного мира 31

Владимир Дергачёв (Украина). «Золотой век» китайской цивилизации 35

в контексте особенностей китайской geopolитики 35

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ганс-Иоахим Шпангер (Германия). Возврат истории? Путин, НАТО 46

и угроза новой холодной войны 46

ТЕМА НОМЕРА: Ближний Восток

Владимир Калякин. Саудовская Аравия и Катар — провозвестники 51

нового арабского халифата? 51

Сергей Демиденко. Сирия: новая горячая точка Ближнего Востока 59

Максим Братерский. Иранский кризис разрешится в Сирии? 66

ЭКОНОМИКА И ФИНАНСЫ

Валерий Паульман (Эстония). Логика кризиса (контуры пятого этапа) 73

Владимир Бондаренко (Беларусь). Стихийное кейнсианство 80

в постсоветской экономике: опыт Беларуси 80

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Политическая мифология 89

ПУБЛИКАЦИИ

Геннадий Бочаров. Земля и небо. И снова — о безопасности полетов 113

Неизвестные страницы Второй мировой войны

Владимир Рошупкин. «Особая миссия Джеймса Дулиттла» 116

Елена Комлева. Геологические, экологические и политические аспекты

хранения и захоронения ядерных материалов 126

Информация к размышлению 126

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА

Аринуаа Жашинбашын (Монголия). Барьера мультикультурализма 133

До и после «мая 68» «Левый интеллектуал» и его Революция.

Беседа с Валерием Подорогой в редакции журнала «Русский репортёр» 141

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

Эльвира Спирова. Этапы развития экономической теории.

О книге Йозефа Шумпетера. Десять великих экономистов

от Маркса до Кейнса 154

Новые книги, которые могут вас заинтересовать

..... 158

Тезисы статей на английском

..... 160

Об авторах

..... 174

В этой связи особое внимание следует обратить на позицию России. Именно благодаря такой вот линии нашего руководства западные правительства имеют возможность в глазах собственной общественности примиривать «белый фрак», поясняя свое нежелание вступаться за сирийский народ, уничижаемый тираном, позицией, занятой по этому вопросу Россией. Мол, хотели бы, да Россия не дает...

Сегодня ситуация вокруг Сирии в связи с направлением туда международной миссии наблюдателей несколько разрядилась. Однако не стоит думать, что затишье это будет продолжительным. Через месяц-два (а то и раньше) режим Башара Асада обвинят в нежелании выполнять план Кофи Аннана и все закрутится с удвоенной силой. Слишком уж велико желание Саудовской Аравии и Катара сделаться единоличными вожаками арабского мира.

Максим БРАТЕРСКИЙ

ИРАНСКИЙ КРИЗИС РАЗРЕШИТСЯ В СИРИИ?

Новости из Ирана и связанные с Ираном переговоры, объявления о санкциях, внешнеполитические заявления, рассуждения экспертов — уже многие годы занимают первые полосы газет и интернет-изданий. Двигается ли Иран к созданию ядерной бомбы? Откажется ли он от своих ядерных амбиций под давлением санкций? Будет ли нанесен удар против его ядерных объектов и чем кончится противостояние между Ираном и добной половиной мира — вот вопросы, которыми все чаще задаются политики, эксперты и общественность многих стран.

Иран в нынешнем его виде, с проводимой им внешней политикой и вспыхающей обоснованные опасения программой обогащения урана, представляется многим не только неудобным, но и опасным. В чем именно состоит неудобство и опасность иранской политики, вызывающей столь широкое осуждение и противодействие, только ли в реальной или воображаемой перспективе получения Ираном ядерного оружия? Или, другими словами, какой Иран не будет вызывать отторжения, подозрительности и опасений? Как ни странно, формальный ответ «безъядерный» к этому вопросу не подходит. Более того, для разных стран ответ на этот вопрос будет тоже разным.

Какой Иран устроил бы Запад?

Анализируя иранскую внешнюю и внутреннюю политику с точки зрения интересов Запада, стоит обратить внимание на тот факт, что само по себе наличие ядерного оружия у той или иной страны не обязательно становится непреодолимым препятствием к налаживанию конструктивных отношений между этой страной и западным миром. Ядерное оружие есть у Израиля — и это не мешает западным странам чувствовать себя вполне комфортно во взаимоотношениях с этой страной. Ядерное оружие есть у Индии — и после короткого периода охлаждения связи Запада с этой страной были быстро восста-

новлены в полном объеме. Ядерное оружие есть у Пакистана — и хотя отношения между западными странами и Пакистаном в данный момент безоблачными не назовешь, в основе разногласий между ними лежат не пакистанские ядерные бомбы, а другие вещи. Можно предположить, что и в случае Ирана корни противостояния лежат не только в его ядерной программе, но и в чем-то другом.

Вспомним Иран, каким он был до революции 1979 года. Во главе государства стоял просвещенный монарх, который планомерно занимался экономической и социальной модернизацией (вестернизацией) страны. Иран не отказывался от своего суверенитета, но в своей внешней политике следовал неким сформулированным Соединенными Штатами и Западом правилам игры. Во времена «холодной войны» эти правила игры были довольно простыми, но, кроме противостояния Советскому Союзу, они также включали такие элементы, как поддержание региональной стабильности, невмешательство во внутренние дела своих соседей по региону, увеличение своей значимости и международного влияния эволюционным способом: развитием национальной экономики, участием в мировой торговле, постепенным строительством вооруженных сил. Тот Иран тоже имел свои внешнеполитические цели и амбиции, но они не выходили за приемлемые в то время рамки и не принимали такие формы, как войны с соседями, поддержка иностранных боевиков и усилия по срыву мирного процесса в регионе.

Самое главное, суверенитет (можно спорить о том, обладал ли им Иран в полной мере или нет) не интерпретировался Ираном как императив к изменению порядка вещей, устоявшегося в регионе. Иран спокойно сосуществовал с Израилем и активно с ним сотрудничал. Иран не вмешивался в арабо-израильский конфликт, по крайней мере, не пытался всеми способами ставить палки в колеса так называемому ближневосточному мирному процессу. Наконец, Иран в основном занимался своими внутренними делами и открыто не вмешивался в дела соседей путем поддержки военизованных группировок или шиитских общин. Иран понимал и принимал установленные правила игры и не пытался их нарушить. Именно в те годы Иран начал свою национальную ядерную программу, что произошло при прямой поддержке американцев — и Соединенные Штаты отнюдь не пугались возможной перспективы (хотя тогда она почти не просматривалась) ядерной эволюции рационального, соблюдающего правила игры Ирана.

Сегодняшнее отторжение Западом Ирана вызвано не столько его ядерной программой, сколько связкой этой программы с агрессивной неконструктивной внешней политикой этой страны, которая, в свою очередь, генерируется специфическим политическим режимом.

Иранский режим — это режим-революционер, режим, не признающий существующие правила, режим, вынужденный искать себе внешнего врага — поэтому новым врагом был назначен Израиль, но и старые враги — арабы — тоже никуда не исчезли. Это режим, который, с точки зрения западного человека, часто действует иррационально, который не разделяет европейские гуманитарные и политические ценности и ищет самоутверждения не на приемлемом для Запада поле, а в попытках силой расширить свое влияние. В такой оценке политики иранского режима, конечно, видно определенное

лицемерие — но поскольку правила игры мировой политики пока еще пишутся Западом, то Иран, очевидно, в них не вписывается.

Если представить себе Иран, разделяющий западные ценности и не стремящийся изменить сложившуюся политическую картину региона — то можно предположить, что и его ядерная программа воспринималась бы Соединенными Штатами и Европой с меньшими опасениями. Что стало бы индикатором подобной перестройки внешней политики Ирана? В первую очередь — отказ от конфронтации с Израилем, включая отказ от поддержки «Хезболлы» и «Хамас», во вторую — отказ от вмешательства во внутренние дела Ливана и Ирака, и только в третью — отказ от ядерной программы. Коренная проблема, с этой точки зрения, состоит в невозможности отказа от подобной политики Ираном без изменения характера своего политического режима. Запад устроил бы любой режим в Иране, от демократического до авторитарного, при условии, что этот режим не будет основан на идеях противостояния сложившемуся статус-кво. И наоборот, пока у власти в стране стоит мусульманское духовенство, президент-ультранационалист и спецслужбы, перспектива попадания ядерного оружия к ним в руки будет абсолютно непримлема для гарантов стабильности современной международной системы.

С точки зрения Запада, Иран раскачивает лодку мировой и региональной политической системы. Если бы тот отказался от этого главного стержня своей политики, то на его местные региональные амбиции, за исключением вопроса с Израилем, конечно, можно было бы смотреть сквозь пальцы, а то и использовать для игры на противоречиях между странами региона.

Какой Иран устроил бы стран-соседей по региону?

Короткий ответ на этот вопрос — лучше никакой, но, поскольку это невозможно — слабый и замкнутый в своих границах. Конечно, такое обобщение будет большим упрощением: соседей у Ирана много, и у каждого из них интересы в отношении Ирана в чем-то различаются.

Суннитским государствам хотелось бы, чтобы Иран не имел возможностей и намерений воздействовать на их внутреннюю жизнь через шиитские общины. Саудовской Аравии хотелось бы, чтобы Иран отказался от борьбы за звание исламского лидера региона и региональной державы Персидского залива. Ираку хотелось бы получить спорные нефтеносные территории в устье реки Шатт-Эль Араб и, кроме того, вернуть себе место духовного центра мирового шиизма. Объединенным Арабским Эмирятам хотелось бы получить спорные острова в Персидском заливе, оккупируемые, по их мнению, Ираном. Исламистским режимам стремительно приходящим к власти во многих странах Арабского Востока хотелось бы, чтобы главными радетелями за дело ислама считались они, а не Иран. Израилю хотелось бы, чтобы Иран прекратил свои нападки на эту страну и отозвал свою поддержку «арабским террористам», атакующим Израиль. Непосредственным соседям Ирана на юге хотелось бы окончательно переименовать Персидский залив в Арабский, и не видеть персидский флаг как можно дольше. Турции хотелось бы стать новым идеологом развития исламского мира, сочетающего исламские и светские ценности. Иран и этому мешает, так как для многих на «арабской улице»

является более ярким и привлекательным примером того, как исламскому миру следует выходить из состояния охватившего его застоя.

Общий знаменатель политики стран-соседей Ирана, за исключением асадовской алавитской Сирии — ослабить Иран. Для крупных региональных держав сдерживание Ирана — это вопрос борьбы за лидерство — в регионе, в арабском мире, в исламском мире. Для мелких стран региона сдерживание Ирана — это вопрос самосохранения и самообороны. Для Израиля сдерживание и разоружение нынешнего Ирана — это вопрос выживания.

До недавней поры, в условиях некоторого оцепенения, охватившего арабский мир в последние тридцать лет, мечты ослабить Иран в основном оставались мечтами. Тысячелетний конфликт между персами и арабами находился в патовой ситуации, глобальные игроки, прежде всего Соединенные Штаты, напрямую в конфликт не вмешивались. Они не очень хотят вмешиваться и сейчас, но ситуация в регионе стала стремительно меняться. Во-первых, иранский режим сохранился неизменным и при этом стал энергично двигаться к ситуации технической готовности к производству ядерного оружия. Никто не знает, планирует ли Иран непосредственное создание бомбы, но, во-первых, это не исключено, а во-вторых — в тот момент, когда Иран окажется «без пяти минут от бомбы», он станет практически неуязвимым для силового давления. США в такой ситуации все яснее понимают, что время для принятия решения уходит, и если что-то в отношении Ирана и делать, то сейчас — иначе будет поздно. Израиль находится в другой ситуации — он вообще не может позволить себе риска превращения Ирана в ядерную державу, так как на кону стоит само существование Израиля.

Другим фактором, обострившим иранский узел, стала цепь революций в арабском мире, которая докатилась до единственного союзника Ирана — Сирии.

Битва за Иран идет в Сирии

Вмешательство региональных и внешних игроков во внутренний конфликт в Сирии можно рассматривать с разных точек зрения, но ясно одно: атака идет не только на правящий режим одной из основных арабских держав, но и на Иран. Задачи внешнего вмешательства в этот конфликт не ограничиваются изменением роли Сирии в регионе. Падение режима Асада будет также означать резкое снижение возможностей иранской внешней политики по всем направлениям: Иран лишится инфраструктуры, необходимой для поддержки «Хамас» и «Хезболлы», а его флот и вооруженные силы останутся один на один с потенциальными противниками.

Сирия сама является важнейшим игроком в регионе, многонаселенной и мощной в военном отношении региональной державой, претендующей на лидерство и защищающей свое право на него, прежде всего, достаточно жесткой позицией в отношении арабо-израильского мирного процесса и неприятием американского вмешательства в дела региона.

Нынешняя Сирия на протяжении десятилетий мешала многим: мешала Израилю, мешала Соединенным Штатам, мешала Саудовской Аравии. В прошлом году волна переворотов и революций в арабском мире добралась и до

Сирии. Неудивительно, что в начавшемся в Сирии внутреннем противостоянии многие игроки в регионе увидели исторический шанс решить наболевшие проблемы своих взаимоотношений с этой «неудобной» страной.

В сирийском кризисе переплелись интересы многих держав, как местных, так и внешних. Исход борьбы за Сирию способен кардинально изменить политический расклад на Ближнем Востоке, но очевидно, что итог этой борьбы во многом определит и ситуацию с Ираном. Либо Сирия останется единственным идеологическим и военным союзником Ирана, дающим ему географический выход к арабо-израильскому конфликту, либо Сирия станет другой, а Иран останется в изоляции. Нынешняя поддержка Сирией политики и амбиций Ирана носит во многом политico-идеологический характер и не основывается на серьезной культурной, экономической или религиозной общности (лидер иранской революции в свое время признал правящих сегодня в Сирии алавитов шиитами, но такое определение далеко не бесспорно).

При смене в Сирии правящего режима изменятся и внешнеполитические приоритеты страны, а с приходом к власти суннитского большинства с большей степенью вероятности исчезнет и религиозная основа сирийско-иранской дружбы. Конечно, страны-участницы сирийского противостояния фокусируют свое внимание, прежде всего, на собственно сирийской ситуации, однако очевидно, что иранская перспектива развития событий также никем не упускается из виду. В сирийском конфликте наиболее активное участие принимают США и их союзники Франция и Великобритания, а также Турция, Саудовская Аравия и Катар. Существенные интересы в этой стране имеют также Россия, КНР и Индия.

Интересы США и союзников в отношении будущего Сирии отличаются от их интересов в Ливии, где важным фактором при принятии решений была ливийская нефть. Непосредственных экономических интересов у западных держав в Сирии нет, их интерес состоит в устраниении деструктивного, с их точки зрения, сирийского режима, который мешает арабо-израильскому урегулированию, поддерживает Иран и противостоит любым начинаниям США и Запада в целом в регионе. Интерес Запада состоит в устраниении несистемных «бунтарей» из региональной политической системы и замене их на акторов, которые будут играть «по правилам». Интерес этот силен, но трезвомыслящие западные политики также понимают и опасность возможной радикализации будущей Сирии за счет прихода к власти исламистских сил, поэтому непосредственную роль в попытках формирования будущего страны они «уступили» местным игрокам: Турции и Саудовской Аравии.

Турция, возглавляемая умеренно исламским правительством Эрдогана, в последние годы всерьез заявила о своих региональных амбициях. Турция демонстративно порвала с Израилем, заняла независимую от Запада и НАТО позицию по многим вопросам (например, отказалась присоединиться к нефтяным санкциям против Ирана, отказалась предоставлять свои аэродромы для израильских самолетов в случае нанесения удара по Ирану) и активно включилась в попытки урегулирования многих конфликтов в средиземноморье и на Кавказе. Турции есть что предъявить арабским народам: современная экономика, растущее богатство и военная сила, уникальная для исламской цивилизации модель динамичного социального и экономического

развития. Асадовская Сирия оставалась для Турции главным политическим конкурентом (да и территориальные претензии к этой стране есть), и сегодня Турция энергично работает на дело изменения сирийского режима и прихода к власти суннитов. Любопытно отметить, что антииранской кампании при этом Турция не ведет, пытаясь, видимо, получить в партнеры ослабленный, но дружественный Иран. Видимо, в Стамбуле думают о воссоздании на новой основе некоей Великой Порты, но ограничивают свои интересы средиземноморьем, не пытаясь вмешиваться в дела Персидского залива.

Невиданную прежде внешнеполитическую активность, начиная с событий в Ливии, проявляют Саудовская Аравия и Катар. Они финансируют и вооружают оппозицию режиму Асада, а Саудовская Аравия перед этим провела, по сути, вооруженную интервенцию в Бахрейн и предотвратила падение султанского режима в этой стране. Саудовская Аравия пытается воспользоваться случаем и избавиться от сирийского светского режима, препятствующего расширению саудовского влияния в арабском мире. Решая первую задачу, она также продвигает к власти в Сирии исламские фундаменталистские силы, которые должны будут с большим вниманием прислушиваться к интересам Эр-Рияда.

И, наконец, картина участников сирийского конфликта будет неполной без упоминания роли России, КНР и Индии. Все три страны не заинтересованы в смене режима в Сирии и в ее переходе под влияние Турции, или Саудовской Аравии, или США. Данные государства заинтересованы в сохранении самостоятельной Сирии и пытаются ограничить иностранное вмешательство в этот конфликт.

Резоны такой политики у трех стран БРИКС и схожие, и немного разные. Для России падение режима Асада, возможно, будет означать начало ее окончательного ухода с Ближнего Востока и завершение процесса сжатия статуса России с глобального до уровня региональной державы. КНР видит в Сирии некоторые перспективные возможности для проведения своей будущей политики, а также противодействует ослаблению Ирана — одного из основных объектов китайских инвестиций в энергетику и важного поставщика энергии для КНР. Индия не приветствует возможную перспективу укрепления единства в исламском мире, будь это при ведущей роли Саудовской Аравии или Турции, так как косвенно такое развитие событий может отразиться на ее сложных взаимоотношениях с Пакистаном. Кроме того, в меру своих сил она поддерживает самостоятельность Ирана — важного нынешнего и будущего источника импорта нефти и газа.

Наиболее явным образом свою линию проводят Россия и КНР, которые неоднократно блокировали резолюции Совбеза ООН, односторонне направленные против нынешнего сирийского режима, и поддержали более сбалансированную повестку спецпредставителя ООН К. Аннана. Вместе с тем, серьезных ресурсов на этот конфликт ни Россия, ни КНР не выделяют: Россия к этому уже не готова, а КНР еще не готова. В итоге, Россия и КНР смогли на какое-то время предотвратить перспективу прямого иностранного вмешательства по образцу Ливии и сформировать шанс для поиска компромисса между правящим режимом и оппозицией, но итоговое разрешение сирийского конфликта они не предопределили. Турция и Саудовская Аравия бросают

на разрешение конфликта в Сирии нужным для себя образом гораздо больше сил и средств, а Соединенные Штаты со своими союзниками по НАТО достаточно эффективно действуют как дипломатически, так и в сфере формирования международного общественного мнения, чего у России и КНР не получается. Шанс на то, что самостоятельный политический режим Сирии трансформируется, но в какой-то форме сохранится, тоже пока остается: государственная конструкция Сирии оказалась намного крепче, чем хотелось бы сирийским революционерам и «друзьям Сирии».

Наряду с развитием событий в Сирии, на расширенном Ближнем Востоке развертываются и другие процессы, связанные с Ираном. Прессы достаточно подробно освещает разнообразные утечки информации из израильских и американских источников, связанные с планированием ударов израильских ВВС по иранским ядерным объектам, поиском Израилем пунктов дозаправки для своих самолетов на Кавказе, проигрыванием на компьютерах сценариев военных действий против Ирана. Стоит обратить внимание еще на один момент: американская стратегия выхода из Афганистана, объявленная президентом Обамой, предусматривает сохранение за Соединенными Штатами в Афганистане нескольких крупных военных баз и значительного военного персонала. Понятно, что эти базы могут быть задействованы в разных проектах, но иранский среди них выглядит наиболее очевидным.

Видно, что давление на Иран нарастает со всех направлений.

Ни Израиль, ни Соединенные Штаты, судя по всему, пока не приняли окончательного решения по поводу своих дальнейших шагов в отношении Ирана. На сегодняшний день против Ирана задействован практически весь невоенный арсенал внешней политики США: против нее действуют нефтяные и финансовые санкции, а на его единственного союзника идет координированная атака. Позиции президента Ахмадинежада внутри страны также выглядят менее уверенными, чем раньше.

Существует высокая вероятность того, что иранский кризис разрешится уже сейчас, без прямого вмешательства израильтян и американцев. Итог сирийских событий, вероятно, даст нам понять, как события будут развиваться дальше.